

УДК 781; 398.8
ББК 85.314; 85.202Я73

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ НАРОДНОПЕСЕННЫХ ЛАДОВ

ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА СТАРОСТИНА

(Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского: Российская Федерация, 125009, г. Москва, ул. Большая Никитская, д. 13/6)

***Аннотация.** Статья посвящена проблемам изучения ладов русского песенного фольклора. Проблематика высотной организации народной песни занимает пограничное положение между этномузыкологической и музыкально-теоретической областями знания. Методика этномузыкологического исследования дает возможность усмотреть связи процессов ладообразования с обрядовыми истоками народного интонирования, с жанровыми приоритетами внутри региональных традиций. Музыкально-теоретические методы призваны систематизировать типы ладовой организации в народной песенности и определить их место в общей картине эволюции высотных систем в христианских культурах. В настоящей статье затрагиваются вопросы классификации звукорядов, методики анализа, терминологии. Наиболее подробно рассматривается проблема функциональной организации песенного многоголосия на примере образцов, записанных на Юге России от исполнителей разных поколений.*

***Ключевые слова:** лад, звукоряд, функциональность, многоголосие.*

Ладовая система русской народной песни весьма значимое для отечественной культуры явление, относящееся как к этномузыкологии, так и к общей теории музыки и в то же время находящееся на периферии обеих этих областей знания. С одной стороны, народные лады широко известны и даже представлены в школьных пособиях по элементарной теории музыки, с другой — народные лады в их живом интонировании по сей день представляют собой не вполне познанную и чрезвычайно притягательную для исследователя сферу.

Доминирующий ныне комплексный метод исследования народной культуры открывает новые перспективы осознания психофизиологической подосновы звуковых явлений [Морозов 2002; Морозов, Старостина 2003], а также помогает осознанию базовых закономерностей звукового мира народной культуры [Голос и ритуал

1995; Пашина 1998; Мехнецов 1999; Толстая 1999; Лобкова 1999; Гилярова 2004]. Безусловно, знание культурного контекста способно углубить и конкретизировать наше понимание фольклорной ладовости. Однако это не умаляет важности более специальных вопросов теории ладообразования в русской народной песне.

Теория народнопесенных ладов, развивавшаяся на протяжении более чем двух столетий, к настоящему моменту оказалась в состоянии некой «раздробленности»: в ней как будто отразилась региональная специфика изучаемого материала — каждая научная школа выработала свою систему понятий и терминов, и с этой множественностью приходится считаться.

Было бы неправомерно, говоря о народнопесенных ладах, ставить вопрос о приоритете этномузыкологического или музыкально-теоретического подхода

к проблеме, поскольку оба они имеют безусловную научную ценность. Целесообразно двигаться как бы с двух сторон:

- исследовать высотность русской народной песни с точки зрения структуры и
- осмысливать формы ее реализации (региональные, ареальные, фактурные, жанровые, тембровые, половозрастные и т.п.).
- В самом общем плане система должна охватывать все основные структурные типы ладов. А формы ее проявления всегда будут «диалектны».

Индикатором местного стиля являются именно «диалектные» показатели — тембр, тип многоголосия, тесситура, артикуляция. Собственно базовый звукорядный пласт более нейтрален с точки зрения региональной специфики. Таким образом, типизированная звукорядная структура (например, ангеминовый тетракорд или полная семиступенная диатоника) в каждом конкретном случае индивидуализируются.

Как бы то ни было, целый комплекс проблем сегодня остается актуальным и заслуживает исследовательского внимания. В этой связи выделяются несколько основных аспектов проблематики:

- типы высотной организации;
- критерии классификации ладов;
- система ладовых определений;
- упорядочение терминологии;
- разработка системы обозначений;
- проблемы взаимосвязи лада и формообразования;
- проблемы воздействия типа интонирования на высотную структуру.

При всей пестроте ладовых явлений в русском фольклоре совершенно очевидно, что народные лады имеют преимущественно модальную природу. Понятие *модальности как системы, опирающейся на звукоряд*, в музыкально-фольклористической науке в целом присутствует, но нет самого термина «модальность» [Холопов 2008, 81–82].

Главная причина настороженного отношения к термину «модальность» коренится

в устойчивом понимании лада исключительно как носителя функциональности (в духе Яворского [Протопопов 1930, 92] и затем «Бригадного» учебника [Дубовский и др. 1937, 7]), а также в намерении дистанцироваться от «звукорядного подхода» как чего-то устаревшего. Кроме того, давало себя знать и стремление фольклористов избежать вторжения внешне «чуждой» терминологии в свою научную область. К тому же теория модальности в отечественной науке сравнительно молода: она не успела повлиять на становление фольклористических представлений о ладе, более того, сам термин «модальность» пока не получил в этномузыкологии адекватного содержательного наполнения¹.

Некоторые из критериев модального лада полностью приняты этномузыкологами (звукоряд, амбитус, устой, опора); другие пока не вошли в научный обиход или вошли частично (поликорд, модальное тяготение, модальные функции, автентические и плагальные лады, роды интервальных систем). Специфика проблемы заключается и в том, что в русской ладовой системе нет того единообразия структурных типов, которое превалирует в знакомой нам западноевропейской модальности письменной традиции с ее упорядоченной семиступенностью. На этом основана жесткая позиция Е. В. Гиппиуса, утверждавшего, что в русских песнях «нет ни фригийского, ни дорийского, ни других тому подобных ладов» [Гиппиус]. Нельзя забывать и о том, что долгие годы наблюдался существенный разрыв между фольклористикой и медиэвистикой, в сфере которой также шла выработка теории ладов нетонального типа².

Важное обстоятельство, затемняющее картину народной ладовости, — *неоднородность типов высотной организации*. Неоднородность распространяется на несколько аспектов:

- степень определенности звукового состава;
- количество тонов звукоряда;

¹ Так, например, В. М. Щуров говорит о возможности анализа народно-песенных ладов с модальных позиций, подчеркивая тем самым, что он в целом придерживается, скорее, тональной трактовки процессов ладообразования [Щуров 1998, 176].

² В этой связи надо отдать должное А. В. Рудневой, на протяжении ряда лет изучавшей разнообразные проявления обиходного лада (звукоряда) в русском фольклоре. К этой проблеме она неоднократно обращается в книге очерков «Русское народное музыкальное творчество» [Руднева 1994].

- дифференцированность функций тонов (или созвучий-конкордов);
- характер функциональности (модальный, тональный или смешанный);
- высотную организацию многоголосия.

Эта пестрота, в свою очередь, коренится во внемузыкальных факторах — жанровой, региональной, историко-стадиальной принадлежности конкретных образцов.

В конечном счете тип высотной организации, как и в музыке письменной традиции, определяется свойствами **функциональной системы**.

Коротко представим перечень разновидностей функциональной организации в русской народной песне:

- лады с нестабильным звуковым составом: в них определяется лишь эмпирически найденный устой (или пара устоев) и общая зона пребывания голоса; такие лады возникают при «допесенном интонировании» [Лобкова 1999];
- лады с ярко выраженной модальной функциональностью;
- лады со слабой дифференцированностью функций (как бы не вполне сформированная модальная функциональность);
- лады с элементами тональной функциональности, выявленными в разной степени, о чем более чем столетие назад писала Е. Э. Линева [Линева 2004, XXXVII—XLVI]).

Существует проблема методики **ладового анализа модального многоголосия**: в каких случаях отдавать предпочтение трактовке лада как составного, а в каких подчеркивать его целостность. Кроме того, важно уяснить, правомерно ли анализировать народнопесенные лады с музыкально-теоретической точки зрения, отодвигая на второй план множественные стороны этнографического контекста, в первую очередь регионального и жанрового. Возможно, в ходе ладового анализа народнопесенного материала акценты могут смещаться в зависимости от поставленной задачи: необходимо учитывать региональную, «диалектную» природу фольклора, но при этом не упускать из виду и явлений общенациональной значимости.

Критерии ладовой классификации делятся на собственно музыкальные и внемузыкальные.

Собственно музыкальные критерии суть:

- род интервальной системы;
- амбитус;
- устой-тон (конечный) и его местоположение в реальном звукоряде;
- побочные опоры лада (господствующих, переменный/переменные);
- зависимость/независимость от текстовой (слогоритмической) структуры;
- мелодии-модели, характерные для конкретного лада.

Внемузыкальные критерии таковы:

- речевой генезис народной ладовости [Рубцов 1973];
- жанровая принадлежность;
- региональные особенности;
- гендерная специфика;
- историко-стилистические показатели.

В этномузыкологии, в условиях комплексной методики исследования, наиболее востребована опора именно на внемузыкальные факторы формирования песенной культуры. Немаловажно и то, что на стилистический (в том числе ладовый) облик многих русских песенных традиций могли оказывать влияние компоненты инородческих культур [Гилярова 1999; Бояркина 2002].

Всеобщая связь лада с прочими сторонами фольклорного текста очевидна. Но при этом необходимо выработать принципы **многоэтапной и многоаспектной классификации**: сначала исходя из собственно звуковой структуры, затем — по жанрам, регионам и другим показателям. Определим, в самом общем плане, последовательность этапов:

- Очевидно, что нельзя обойтись без **системы звукорядов**, как бы абстрактно она ни выглядела (необходимо охватить как однородные, так и полиморфные структуры — переменные, составные, смешанные).
- Принципиально важный этап — систематика **типов функциональности**.
- Лады классифицируются в соответствии с их **жанровой принадлежностью**³.
- Учитывая жанровые приоритеты, можно выявить (разумеется, с известной

³ Частично лады были атрибутированы тем или иным жанрам упомянутыми выше авторами — Гиппиусом, Рубцовым, Рудневой, Щуровым, а также их последователями. Еще ранее этой проблемы касался К. В. Квитка [Квитка 1971, 215–278, 286–311].

Зап. 1961 г.
Нот. В. М. Щурова

$\text{♩} = 52$

2. Эх, да и - з(ы) да не - во - (а - э) - лю - ш(и) - ки, да

из ту - ре... а - и, ...ме -

и - з ту - ре - ц(ы) - кой, а, е, э - х(ы), из зе - ме -

$c = 4$ $g = 5$

лю - ш - ки, да на э, о, а, э, о, э, э,

лю - ш - ки, да на э, э, о, э, о - х(ы), да зе -

$Es-B = 10$

э, е, е, о, ...ме - люш - ки.

ме... э - х(ы), да зе - ме - люш - ки.

? $c/Es = 2$ B

долей условности) **региональные** свойства ладов.

- Особенности **интонирования** труднее всего поддаются какой-либо систематике, поскольку интонационная стихия исторически изменчива и зависима от множества факторов (диалекта, условий исполнения, сохранности традиции и т.д.). Но возможно указать на принципиально важные тенденции в интонировании конкретных структур в конкретных традициях.

Некоторая трудность состоит в том, что а priori нельзя в определение лада включить характеристику его функциональности, особенно в фольклорных ладах с их многообразием. Особенности функциональной организации — «внутреннее дело» конкретного лада: информация о сочетаниях опор не должна утяжелять определения — она отражается в нотной схеме лада. Тем более в определении не входит характеристика переменности, которая есть в большинстве модальных ладов. Один и тот же звукоряд может быть по-разному функционально организован в разных жанрах и традициях. Но указание на местоположение конечного (или центрального) устоя дает минимально необходимую информацию об организации звукоряда.

Пожалуй, из всех имеющихся проблем самая весомая и занимательная — **систематизация типов ладовой функциональности в русском многоголосии**. Наиболее богатый пласт многоголосной культуры — песенность Белгородского Приосколья. При ближайшем рассмотрении выясняется, что даже внутри одной и той же традиции, в условиях одного жанра (в частности, лирической протяжной песни) наблюдается немалое разнообразие форм внутренней жизни лада.

В данном небольшом очерке мы рассмотрим примеры из числа тех, что до сих пор можно услышать на Юге России. Для

анализа целесообразно взять два образца протяжной лирики, относящиеся предположительно к одному и тому же (в данном случае сравнительно позднему) пласту традиционной культуры. Важно и то, что мы имеем возможность сравнить записи, сделанные от песенников старших поколений, в том числе носителей традиции дооктябрьского периода, и варианты, бытующие сегодня. Любопытно, что совпадение почти полное. Правда, имеющиеся различия весьма показательны.

Первая песня — «Шел молодец из неволюшки, из турецкой из земляночки»⁴ — поется сегодня практически так же, как и пятьдесят лет назад. Даже тесситура осталась почти неизменной, хотя мужской состав исполнителей сменился женским. Перед нами стройная, но весьма неоднозначная высотная структура с несколькими уровнями функциональной организации.

На внешнем хорошо слышимом уровне находится многозвучная обиходная миксодиагностика с парой параллельно-переменных опор: $c - Es / g - B$.

Модальные функциональные опоры в целом ясны: конечный тон B , господствующий Es , переменные g и c . Однако не вполне понятно, какую функциональную нагрузку несут вертикальные созвучия, составляющие основу всей ткани. Возникает соблазн усмотреть здесь экзотическое последование параллельных трезвучий. Между тем в каждой вертикали имеется некий стержневой звук, который может находиться в основании трезвучия, но чаще в его середине. Так, в начале хорового раздела слышится ведущий ход « $es - d - c - g$ ». Каждый из этих звуков как бы «обрастает» терциями, но только в момент смены «центра тяжести» ($c - g$) становится акустически обоснованным основным тоном. Если устоя в данной системе — это всегда унисоны (октавы), то в качестве местной опоры может оказываться созвучие, составленное из своего

⁴ Зап. от Н. П. Сапунова, 1905 г.р., Т. А. Сапунова, 1906 г.р., А. М. Есакова, 1905 г.р., Р. Ф. Лопатина, 1908 г.р., Т. С. Королева, 1908 г.р., с. Нижняя Покровка, Красногвардейский р-н, Белгородская обл. Соб. В. М. Шууров. 1961 г. Нотация В. М. Шуурова [Шууров 1995, 57–59]. В настоящей статье образец транспонирован на S тона вверх для удобства сравнения вариантов.

Другой вариант: зап. от А. М. Маняхиной, 1938 г.р., Н. К. Сапуновой, 1932 г.р., Н. И. Маняхиной, 1952 г.р., М. Г. Лопатиной, 1930 г.р., М. Н. Сапуновой, 1932 г.р., с. Нижняя Покровка, Красногвардейский р-н, Белгородская обл. Соб. Т. А. Старостина и студенты. 2012 г. Нотация Т. А. Старостинной.

♩ = 62-64

2. И-з(ы) да ня - во - (а) - о(й), всё ня-во(а) - лю-ш - ки - (э-я),
ту - (я) - ре-щ(ы) - ка - и ме... я,
и - з ту - (ю) - ре-щ(ы) - ка - а, э - о(а), о - я,
и - з ту - я - ре - щ(ы) - кай да брат - цы ды да зе - ме...
ту - ре - щ(ы) - кай, брат - цы, из зе - ме -
е - ш - ки да на, о э-ай, о, о, я, ох, да, я, да зе -
о - х(ы), та(о), о, а, я, о, о, э - х, да...
о, е, ё, ох, я, о - х, э, я, да зе -
лю - ш - ки, да, о, э, я, а, о(а), о, и - з да зе -
ме... е, ё, ё, э - х(ы), ме... е - люш - ки.
ме... о, я, ё, ме - (ё) - е - лю - шки.
ме... о, ё, ё, э - х(ы), да зе - ме - люш - ки.
ме... е, е, ё, и - з да зе - ме - е - е - люш - ки.

рода «функциональных дублей». Например, «господствующий» тон (аналог западноевропейской реперкуссии (тона повторения) и предшественник доминанты) весьма часто сопровождается отстоящими на терцию «согосподствующими».

Таким образом, перед нами пример системы с неполной дифференцированностью модальных функций. Весомая роль двузвучий и даже трехзвучий в условиях лада (особенно мажорного наклонения) создает почву для возникновения

Зап. 1977 г.
Нот. В. М. Щурова

♩ = 60

2. Эх, я - го - да (ы) ля - су, эх, эх, да со - би -

b = 5 ♩

...ли - ся,
ра - ли - ся, да рас - крас - ны - е раз - да - лев -
...ли - ся,

b = 4 ♩ As = 4 ♩

чо - (ё) - но - чки, эх, в лес по я - го - ды.

b = 2 ♩ As = 2 ♩ Des/b = 2 ♩ As = 2 ♩ b

идея лада: 1977

2012

$\text{♩} = 58 - 60$... (е) - ли - (е) - ся

2. Ох, я га-да в ля-су. Ох, да са-би-ра - (я) - ли - (и) - ся ...ли - ся

$b = 4$ $b = 4$

о - (ё) - о - чкей

да ра - кра - с(ы) - на - и, о-х(ы), раздев - чо - (ё - о - ё) - на - (а) - чки,
раз-дев - чо - (ё - ё) - на - чки,

$c [As] = 4$ $b = 2$ $As = 2$

а - а - а

о - х(ы), в лес по я - (я) - га - да. я... я - га - да.
о - х(ы), в лес по я - га - да.

$Des/b = 3$ $As = 1$ b

элементов **тональной функциональности**: это можно расслышать в предкадансовой зоне, в момент появления обиходного перечня «а — аs», где современный слух улавливает отклонение в намечающийся *Es-dur*.

Между тем в столь развитой структуре есть рудименты и более архаичных систем. Так, например, на записи каждого отдельного голоса ясно слышна тенденция интонировать опорные высоты

определенно, а переходы между ними — в скользящей манере. Причем каждый исполнитель хорошо ощущает свою высотную область, сравнительно небольшую. Следовательно, еще не совсем ушла в прошлое простейшая идея лада как *эмпирически найденного устоя* с его рыхлым окружением.

Незакрепленность модальных функций за каким-либо одним тоном есть прямое следствие многоголосной природы русской песенной культуры; напротив, в монодийных традициях (например, у мусульманских этносов России) функциональная организация напевов более определенная.

Упрощение многоголосия в условиях русских традиций идет путем снятия функциональных дублей. Примером этого может служить сравнение песни «Во тридцатом да во первом годочке», записанной летом 2012 г., с вариантом тридцатипятилетней давности⁵.

Запев чрезвычайно схож, выдержана прежняя высота, сохранилась форма строфы. Однако почти выпал басовый голос, дополнявший терцовую фактуру до

трех- и четырехзвучной. Таким образом, вместо неторопливой смены почти равнозначных опор «*b* — *as* — *b*» образовалась более элементарная система с превалирующим (практически центральным) устоем «*b*», слабо проявленным господствующим «*es*» (с дублем «*c*») и переменным «*as*».

Причина очевидна: в прежних песенных артелях, даже при наличии явного лидера, было несколько мастеров, умеющих дополнить ведущий голос вариантами (и соответственно уплотнить высотные опоры функциональными дублями). Сегодня менее опытные участники ансамбля просто дублируют партию запевалы, в результате чего некогда цветущее трехъярусное звуковое поле уступает место ленточному терцовому двухголосию.

Рассмотренные примеры позволяют убедиться, что высотная организация русской народной песни — с ее стабильными и вариативными свойствами — представляет собой своеобразное и весьма простое явление, достойное осмысления с точки зрения как этномузикологии, так и музыкально-теоретической науки.

Литература

Бояркина 2002 — Бояркина Л. К проблеме изучения мордовского субстрата в русской музыке // Этномузиковедение Поволжья и Урала. Ижевск, 2002. С. 211–228.

Гилярова 1999 — Гилярова Н. Н. Календарная песенность Пензенского края (к вопросу о взаимодействии песенных культур) // Музыка устной традиции: Материалы международных научных конференций памяти А. В. Рудневой: Научные труды МГК им. П. И. Чайковского. М., 1999. Сб. 27. С. 91–101.

Гишпиус — Гишпиус Е. В. Основные особенности русской народной музыкальной речи мелодического склада, мыслимого вне гармонии и тактовой ритмики. Рукопись. МГК. Архив НЦНМ им. К. В. Квитки. Инв. № 25 / 323. С. 5–6.

Голос и ритуал 1995 — Голос и ритуал // Материалы конференции. (май 1995). М., 1995.

Дубовский и др. 1937 — Дубовский И., Евсеев С., Соколов В., Способин И. Учебник гармонии. Ч. I. М., 1937.

Гилярова 2004 — Звук в традиционной народной культуре: Сб. науч. ст. / Ред.-сост. Н. Н. Гилярова. М., 2004.

Квитка 1971 — Квитка К. В. Избранные труды: В 2 т. М., 1971. Т. 1.

Линева 2004 — Линева Е. Э. Великорусские песни в народной гармонизации. Вып. 1. СПб., 2004.

Лобкова 1999 — Лобкова Г. В. Типологические особенности обрядовых форм допесенного интонирования (по материалам псковских коллекций Фольклорно-этнографического центра) // Материалы международных конференций памяти А. В. Рудневой. М., 1999. С. 183–200.

Лобкова 2000 — Лобкова Г. В. Древности Псковской земли: Жатвенная обрядность. СПб., 2000.

Мехнецов 1999 — Мехнецов А. М. Фольклорный текст в структуре явлений традиционной народной культуры // Музыка устной традиции: Материалы II Международной конференции памяти А. В. Рудневой. М., 1999. С. 178–183.

⁵ Зап. от Д. Ф. Валуицких, 1920 г.р., П. Ф. Валуицких, 1911 г.р., Е. Т. Сапелкина, 1917 г.р., М. Г. Рошупкиной, 1916 г.р., А. Ф. Вениковой, 1928 г.р., с. Афанасьевка, Алексеевский р-н, Белгородская обл. Соб. В. М. Щуров. 1977 г. Нотация В. М. Щурова (1978) [Щуров 1995, 172–175].

Другой вариант: зап. от Ю. М. Рошупкина, 1988 г.р., М. И. Авдеевой, 1976 г.р., Е. Е. Рошупкиной, 1951 г.р., Е. Н. Рыбалко, 1957 г.р., Ф. Г. Чертова, 1970 г.р., М. В. Есаковой, 1951 г.р., Ф. Н. Нечаевой, 1952 г.р., Н. Ф. Карташовой, 1951 г.р., В. Г. Чертова, 1964 г.р., с. Афанасьевка, Алексеевский р-н, Белгородская обл. Соб. Т. А. Старостина и студенты. 2012 г. Нотация Т. А. Старостиной.

Морозов 2002 — Морозов И. А. Семиотический анализ ситуаций звукопорождения в русской традиции // Материалы III Международной конференции памяти А. В. Рудневой. М., 2002. С. 62–76.

Морозов, Старостина 2003 — Морозов И. А., Старостина Т. А. Ситуативные факторы порождения фольклорного текста // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 2. М., 2003. С. 12–26.

Пашина 1998 — Пашина О. А. Календарно-песенный цикл у восточных славян. М., 1998.

Протопопов 1930 — Протопопов С. В. Элементы строения музыкальной речи. Ч. I. М., 1930.

Рубцов 1973 — Рубцов Ф. А. Основы ладового строения русских народных песен // Руб-

цов Ф. Статьи по музыкальному фольклору. М.; Л., 1973. С. 42–56.

Руднева 1994 — Руднева А. В. Русское народное музыкальное творчество. М., 1994.

Толстая 1999 — Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян: Сб. ст. / Отв. ред. С. М. Толстая. М., 1999.

Холопов 2008 — Холопов Ю. Н. К проблеме лада в русском теоретическом музыкознании // Идеи Ю. Н. Холопова в XXI веке. М., 2008. С. 75–100.

Щуров 1995 — Щуров В. М. Песни Усёрдской стороны. М., 1995.

Щуров 1998 — Щуров В. М. Стилистические основы русской народной музыки. М., 1998.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории русской музыки Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского: Российская Федерация, 125009, г. Москва, ул. Большая Никитская, д. 13/6; тел.: +7 (495) 629 67 11; e-mail: i.starostin@gmail.com

SOME PROBLEMS OF STUDIES OF THE RUSSIAN FOLK SONG MODES

TAT'YANA STAROSTINA

(Moscow State Conservatoire named after P. I. Chaikovskiy: 13/6, Bol'shaya Nikitskaya str., Moscow, 125009, Russian Federation)

Summary. *The paper deals with studying of the Russian folklore modes. The problem of scale classification is conterminous between ethnomusicology and theory of music in musicology studies. Ethnomusicology methods make it possible to reveal relations between processes of mode production and ritual sources of the folk intoning and genre preferences within regional traditions. Methods of theory of music promote systematization of mode classification types in folk songs and to help characterize their position in the entire development of pitch structure in Christian cultures. There in the paper we touch upon problems of classification of tone rows, methodology of its analysis, terminology. The author investigates the functional organization of song polyphony exemplified in oral songs recorded in the South of Russia from different generations of singers.*

Key words: *mode, scale, harmonic functions, polyphony.*

References

Boyarkina L. (2002) K probleme izucheniya mordovskogo substrata v russkoy muzyke [On the Problem of Studies of the Mordovian Substrate in Russian Music]. *Etnomuzykovedenie Povolzh'ya i Urals* [Ethnomusicology of Volga Region and the Urals]. Izhevsk. Pp. 211–228. In Russian.

Dubovskiy I., Evseev S., Sokolov V., Spособin I. (1937) Uchebnik garmonii [Textbook on Harmony]. Part 1. Moscow. In Russian.

Gilyarova N. N. (1999) Kalendarnaya pesennost' Penzenskogo kraya (k voprosu o vzaimodeystvii pesennykh kul'tur) [Calendar

Songs of Penza Region (to the Question of Interaction of Song Cultures)]. *Muzyka ustnoy traditsii. Materialy Mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsiy pamyati A. V. Rudnevoy* [Music of Oral Tradition. International scholarly conference in memory of A. V. Rudneva]. Proceedings of Moscow State Conservatoire named after P. I. Chaikovskiy. Miscellanea 27. Moscow. Pp. 91–101. In Russian.

Gilyarova N. N. (ed. and comp.) (2004) Zvuk v traditsionnoy narodnoy kul'ture. Sbornik nauchnykh statey [Sound in Traditional Folk Culture. Collected Papers]. Moscow. In Russian.

Gippius E. V. Osnovnye osobennosti russkoy narodnoy muzykal'noy rechi melodicheskogo

sklada, myslimogo vne garmonii i taktovoy ritmiki [Basic Features of Russian Folk Musical Speech of Melodic Tonality, Conceived outside Harmonics or Bar-line Rhythm]. *Rukopis'. MGK. Arkhiv NTsNM im. K. V. Kvitki* [Manuscript. Archive of the Scholarly Center of Folk Music named after K. V. Kvitka]. Inventory No. 25/323. Pp. 5–6.

Golos i ritual (1995) [Voice and Ritual]. Conference Proceedings. May 1995. Moscow. In Russian.

Kholopov Yu. N. (2008) K probleme lada v russkom teoreticheskom muzykoznanii [On the Problem of Mode in Russian Theoretical Musicology]. *Idei Yu. N. Kholopova v XXI veke* [Ideas of Yu. N. Kholopov in the 21st Century]. Moscow. Pp. 75–100. In Russian.

Kvitka K. V. (1971) Izbrannye trudy [Selected Works]. In 2 vol. Vol. 1. Moscow. In Russian.

Lineva E. E. (2004) Velikorusskie pesni v narodnoy garmonizatsii. [The Great-Russian Songs in Folk Harmonization]. Issue 1. St. Petersburg. In Russian.

Lobkova G. V. (1999) Tipologicheskie osobennosti obryadovykh form dopesennogo intonirovaniya (po materialam pskovskikh kollektсий fol'klorno-etnograficheskogo tsentra) [Typological Features of Ritual Form of Pre-song Intoning (based on local collections of the Pskov Center of Folklore and Ethnography)]. *Muzyka ustnoy traditsii. Materialy Mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsiy pamyati A. V. Rudnevoy* [Music of Oral Tradition. International Scholarly Conference in memory of A. V. Rudneva]. Proceedings of Moscow State Conservatoire named after P. I. Chaykovskiy. Moscow. Pp. 183–200. In Russian.

Lobkova G. V. (2000) Drevnosti Pskovskoy zemli: Zhatvennaya obryadnost' [Antiquities of Pskov Region: Harvest Rites]. St. Petersburg. In Russian.

Mekhnetsov A. M. (1999) Fol'klorny tekst v strukture yavleniy traditsionnoy narodnoy kul'tury [Folklore Texts in the Structure of Traditional Folk Culture Phenomena] *Muzyka ustnoy traditsii. Materialy Mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsiy pamyati A. V. Rudnevoy* [Music of Oral Tradition.

International Scholarly Conference in memory of A. V. Rudneva]. Proceedings of Moscow State Conservatoire named after P. I. Chaykovskiy. Moscow. Pp. 178–183. In Russian.

Morozov I. A. (2002) Semioticheskiy analiz situatsiy zvukoporozhdeniya v russkoy traditsii [Semiotic Analysis of the Situations of Sound Production in the Russian Tradition]. *Materialy III Mezhdunarodnoy konferentsii pamyati A. V. Rudnevoy* [Proceedings of the 3rd International Conference in Memory of A. V. Rudneva]. Moscow. Pp. 62–76. In Russian.

Morozov I. A., Starostina T. A. (2003) Situativnye faktory porozhdeniya fol'klornogo teksta [Situational Factors of Folklore Text Production]. *Aktual'nye problemy polevoy fol'kloristiki*. [Actual Problems of Field Work in Folklore Studies]. Issue 2. Moscow. Pp. 12–26. In Russian.

Pashina O. A. (1998) Kalendarno-pesennyy tsikl u vostochnykh slavyan [Calendar Song Cycle among Eastern Slavs]. Moscow. In Russian.

Protopopov S. V. (1930) Elementy stroeniya muzykal'noy rechi [Elements of Musical Structure of Speech]. Part I. Moscow. In Russian.

Rubtsov F. A. (1973) Osnovy ladovogo stroeniya russkikh narodnykh pesen [Basic Elements of Modal Structure of Russian Folk Songs]. *Rubtsov F. A. Stat'i po muzykal'nomu fol'kloru. Papers on music folklore*. Moscow, Leningrad. Pp. 42–56. In Russian.

Rudneva A. V. (1994) Russkoe narodnoe muzykal'noe tvorchestvo [Russian Folk Music Creations]. Moscow. In Russian.

Shchurov V. M. (1995) Pesni Userdskoy storony [Songs of Userd County]. Moscow. In Russian.

Shchurov V. M. (1998) Stilisticheskie osnovy russkoy narodnoy muzyki [Stylistic Basics of Russian Folk Music]. Moscow. In Russian.

Tolstaya S. M. (1999) Mir zvuchashchiy i molchashchiy. Semiotika zvuka i rechi v traditsionnoy kul'ture slavyan [World Sounding and Silent. Semiotics of Sound and Speech in Traditional Culture of the Slavs]. Collected papers. Ed. by S. M. Tolstaya. Moscow. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: i.starostin@gmail.com

Tel.: +7 (495) 629-67-11

13/6, Bol'shaya Nikitskaya str., Moscow, 125009, Russian Federation

PhD (Arts), associate professor, Russian Music History Department, Moscow State Conservatoire named after P. I. Chaykovskiy
